

"Славянские традиции"

Так уж устроен человек творческий — как воздух нужны ему дороги, новые впечатления, новые лица. Такая встреча, встреча на фестивале была просто необходима литераторам России, Украины и Белоруссии, несмотря на то, что существует множество различных фестивалей и в России, и в Украине, и в Белоруссии. Само название "Славянские традиции" определило характер, направление и задачи этого фестиваля.

Да и место, где он проходил, выбрано очень удачно. Крымская земля обладает невероятным магнетизмом сама по себе: море, солнце, горы... Помимо этого Крым давно снискал себе славу литературной Мекки: стоит только произнести несколько имен... М. Волошин, А. Грин, К. Паустовский...

Вот и собрались в крымском городке Щелкино, на мысе Казантип, с 25 по 29 августа финалисты, участники и почетные гости Первого международного фестиваля "Славянские традиции". В конкурсе, который проходил в рамках фестиваля, приняли участие литераторы из 11 стран мира. Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан, США, Бельгия, Норвегия, Израиль, Эстония, Чехия...

В состав жюри вошли: Юрий Поляков, редактор "Литературной газеты", сценарист, прозаик; Сергей Казначеев — доцент Литературного института им. А.М. Горького; поэты, на чьих произведениях выросли многие участники фестиваля, —

живые классики Евгений Рейн и Владимир Костров. Украинскую сторону жюри представляли председатели областных отделений Конгресса литераторов Украины Валерий Басыров (АР Крым), Сергей Главачкий (Одесса), Станислав Бондаренко (Киев), председатель Межрегионального союза писателей Украины Владимир Спектор.

Отдельно хочется сказать об Ирине Силецкой — поэте, музыканте, певице — организаторе фестиваля. Именно Ирина вместе с Юрием Григорьевичем Капланом долгое время вынашивала идею создания такого действа. Вот только не суждено было Юрию Григорьевичу дожить до этих солнечных августовских дней... Он был убит за 42 дня до открытия "Славянских традиций". Песню памяти Поэта, которую написал и исполнил поэт и музыкант Анатолий Лемыш, зал слушал стоя...

Трудно выделить сейчас наиболее яркий, запоминающийся день — все они были неповторимы, щедрны на встречи, события... Посещение Литературно-художественного музея в поселке Старый Крым, Дома-музея К.Г. Паустовского и Дома-музея А.С. Грина, того самого, где писатель провел последние свои дни... Посещение старокрымского кладбища, где похоронены А.С. Грин, Н.Н. Грин, А. Каплер и Ю. Друнина, Г. Петников... И, на первый взгляд, вполне обычная, но очень важная деталь: экскурсии по Дому-музею

А.С. Грина и на Старое кладбище провела директор музея Ольга Байбородская. После ее рассказа, думаю, многим захотелось прийти сюда, но уже в одиночку, присесть на одну из ступенек, ведущую в дом, или на скамейку у входа и переосмыслить всю свою жизнь.

После всего увиденного и услышанного жить по-прежнему уже невозможно. Не у всех, но у многих, поверьте, в глазах стояли слезы — так проникновенно рассказывала Ольга о судьбе Грина. И мне подумалось, может быть, не все так плохо у нас, если мы еще не разучились плакать, сострадать и сопереживать. Осталось только научиться делать это вовремя, — то есть при жизни...

Каждый новый день приносил с собой что-то новое, интересное, неизведанное... Таким был день, когда состоялась поездка в Севастополь, экскурсия по городу, пресс-конференция с участием властей города и местными литераторами. Таким был день, когда состоялась поездка в Феодосию, где находится совершенно уникальный Дом-музей А.С. Грина — дом-корабль, поднявшийся на борт которого, посетители попадают в удивительную страну, созданную писателем-романтиком и бережно хранимую руками и сердцами людей неравнодушных, — в Гринландию.

Здесь же в одном из залов экспозиция рисунков Нади Рушевой —

девочки, невероятный дар которой вспыхнул яркой звездой на рубеже пятидесятих и шестидесятих годов прошлого века. Вспыхнул и... погас. Но осталось более десяти тысяч рисунков.

В музее и картинной галерее И.К. Айвазовского поэты читали свои стихотворения о морской стихии, и казалось, что полотна кисти великого художника оживают. Здесь же посмертная маска художника и слепок с его руки, перед которым хочется задержаться надолго. Самая обычная человеческая рука, ничем не отличающаяся от других... Но какая божественная сила таилась в ней! Ею созданы полотна, которые входят в сокровищницу шедевров мировой живописи...

И за исключением немногих на всех полотнах Бог его, кумир, источник вдохновения, без которого жизнь его была бы пуста и ничемна, — море. Тревожное, почти черное и спокойное, ласковое; довольно часто встречающийся сюжет — кораблекрушение... Какие думы одолевали мастера, какие грезы?..

Но вернемся к фестивалю. Мастер-классы, проводимые Юрием Поляковым и Сергеем Казначеевым (проза), Владимиром Костровым и Евгением Рейном (поэзия), стали одним из самых незабываемых событий фестиваля. Также в рамках фестиваля были проведены состязания поэтов — поэтризм, которые Юрий Поляков предложил в дальнейшем именовать "стихоборьем".

Прошли чтения поэтов и прозаиков на призы зрительских симпатий — зрителям предстояло выбрать лучших, на их взгляд, из финалистов, вошедших в шорт-листы. А подведение итогов конкурса и награждение победителей состоялось 28 августа. Из 18 призовых мест — шесть заняли одесситы: три призовых места в основной номинации "Стихотворение на свободную тему" (Людмила Шарга, Алена Щербакова, Евгения Красноярова — соответственно первое, второе и третье места), первое место в номинации "Малая проза" (Александр Леонтьев), второе место в номинации "Стихотворение по библейским мотивам" (Алена Щербакова), второе место в номинации "Литературный перевод" (Ольга Ершова). Победители были приглашены на ежегодный литературный Волошинский фестиваль в Коктебель для выступления на одном из поэтических вечеров вместе с членами жюри "Славянских традиций".

Четверо победителей являются членами Южнорусского Союза писателей (Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины), который возглавляет поэт Сергей Главачкий. Но не все одесситы, к сожалению, смогли приехать на фестиваль. Поэты Сергей Нежинский и Анатолий Яни тоже вошли в шорт-листы конкурса, но в силу уважительных причин на награждении не присутствовали.

Людмила ШАРГА

Алена ТИЩЕНКО

Пасадобль

Ну что, станцую пасадобль с тобой, мальчишка,
Не причиняй напрасно боль —
душа не фишка.
В восторг крапленого огня
меня пускаешь.
Хоть ни расклада, ни меня
пока не знаешь.
Поруки круг, как фуэте...
Раскрой объятья.
Но разбежалось варьете,
сбежалось платье,
Стирать не надо бы в горячем
шелк не терпит,
от перфокарты для незрелых
пальцы терпят...
Завьюжит в танце канитель

мороз и стужа,
замерзло сердце... А в постель
ты мне не нужен.
И развернется светотень
вполоборота,
бредовой яви канитель —
гуляй, голота!
Ну, что так медленно, танцор,
уснешь же стоя!
Какой пассаж! Какой мажор!
Откуда хвоя?
Ах да, ведь праздник на дворе,
иль мне приснилось?
И все, что будет в январе,
уже случилось?
Бессвязно гаммы заиграл
тапер беспальный,
похоже, классно погулял...
он славный малый.
Меня в отбой, как туз червей
крапленный, сбросит.
Гарсон, ну, где ты там?! Налей,
опять морозит...

Мне плевать...

Мне плевать, что столярка не крашена тысячу лет, а на стенах обои побелены чем-то зеленым. Мне плевать, что на важный вопрос не получен ответ, и на кухне удушливо пахнет картошкой паленой. Мне плевать, что я еду все время на красный сигнал, и бензин на нуле, и колодки скрипят тормозные.

Мне плевать, кто и что про тебя мне сегодня сказал, потому что люблю я до боли глаза голубые. Мне плевать, что в газетах не пишут о нашей любви, и жилищный вопрос не решается — это непросто.

Задохнусь...

Обними очень нежно, а после сожми...

На стене наконец-то повешу новехонький постер, на котором слоны и дельфины... и много конфет, разноцветные фантики нежно-лилового цвета.

Я тебя полюбила когда-то.

Прошло много лет, но на главный вопрос до сих пор я не знаю ответа.

Амбивалентность

Я путешествую во времени...

В ночи — кричи, иль не кричи, а все без толку. Складирую, как прежде, кирпичи на ветхую, разломанную полку.

Шурупы молотком вбивать в бетон пристало (не обидеть бы) блондинкам.

По радио прокуренный шансон, а за окном зима, и в сердце льдинка зреет, терзает острием и без того израненное сердце, а мы с тобой о чем-то там поем, подглядывая в щелочку у дверцы, которая скрипит не первый год, а петли смазать духу не хватает.

Голодный и промокший в луже кот так жадно из нее же и лакает.

И дождь идет, а может, это снег? В усталости порой не разбираю, куда бегу, кому из века в век я письма счастья туло отправляю.

Проклятый сплин, дешевое кино, в бокале пойло розового цвета, кричать охота, распахнув окно: "Ну где же ты, ну где же ты, ну где ты!"

Напрасен труд, напрасные слова...

И праздники ножом на горло давят, но я жива, пока еще... Е-2.

Едва...

В церквях рождение Бога славят.

Елена КАМИНСКАЯ

Я играю с огнем. Я опять со стихией играю.
Похищаю огонь с озверело ревущих небес.
Восковая свеча оплыла, но гореть продолжат.
На конце фитиля пляшет маленький рыженький бес.
Я играю с огнем, не придавлена гневом небесным.
Я играю с огнем, не надломлена гневом земным.
Я играю с огнем — с озорным, неуживчивым бесом.
И пускай хоть потоп — все равно не расстанусь я с ним.
Этот маленький бес девять муз заменяет собою,
Вдохновенье исток, добродетель, порок и урок,
Воедино сливается с легкой моею душою
Осветитель дорог — и грозиящий погибелью рок.
И теперь у меня нет уже варианта второго.
Коль играть начала — будь добра до конца доиграть.
Ставлю твердой рукой на бумагу горячее слово,
Словно фишку на жизнь. Жребий скажет, когда умирать.

Древний Восток, новая жизнь,

шлягеров старых мотивы,
Словно клубок маленьких змей в мозге моем сплелись.
Лишь монитор передо мной глазом моргает игриво,
Манит в себя — так в зеркала Кэрролл манил Алис.
Лишь монитор передо мной, мышка под правой рукою.
Сделай лишь "клик" — и попадешь в новый загадок мир.
Что меня ждет — библиосайт или игра с Сатаной,
Знает лишь он — новый мой бог, мой неживой кумир.
Стоит ли мне преодолеть тайную власть монитора
Или себя в жертву отдать, в сайтах ища свой рай,
Позже решу. Ну, а пока — ...мышкой щелчок,
как затвором.
Полный вперед! Ссылка зовет! Люди, пока. Гуд бай.

Алена ЩЕРБАКОВА

Пятнадцать минут из смерти пианино

Сегодня день моего рождения пришелся на День смерти пианино. Мы встретились на восточном перекрестке.

Те, кто вынес его из подъезда, поспешили освободить комнату на втором этаже кирпичного дома. Теперь мы стояли друг напротив друга, я и инструмент, — черный с красноватым отливом, с медным изгибом рук-подсвечников и резьбой в две линии на элегантной шее.

Я подошел, поднял крышку и дотронулся, медленно провел вдоль белого с черным порога... Инструмент был настроен, западала только одна клавиша.

Среди моих друзей не было тех, кому было бы нужно пианино. Давать объявление бессмысленно, и даже если нанять грузчиков и перенести его в безопасное место, — не успеть. Если его вовремя не найдут, ему осталось звучать еще час-два: после ласковых и тонких рук, извлекающих из его сердца музыку, и бархата тряпич комнаты, не дающих ему покрыться пылью, после

стеарина и воска здесь, на улице, охочие до разрушения мальчишки будут лупить по нему ногами и бессмысленно выламывать ребра и нижнюю панель с круглыми стопами-педалями, божьи разберут корпус на доски для топки, а предприимчивым сантехникам пригодятся струны между молоточками, ими удобно чистить сточные трубы; и на его развороченное уже не чувствующее боли чрево будут любоваться зеваки, а кто и с силой колотить походя по клавишам, и все это на верняк, как принято в цивилизованном обществе, вызовет бурное коллективное веселье.

И музыкант слишком отчетливо слышит вещи. А это пианино знало такое... оно было свидетелем целой эпохи... Сначала оно было деревом, потом, после войны, на нем учили играть ребенка, красивые мужчины и женщины говорили ему о странствиях, о любви и об одиночестве, а иногда целыми вечерами танцевали танго, и мало ли что он видел...

На этой мысли меня оглушила об-

рушившаяся тишина, восходящая к верхнему регистру и сменившаяся невыносимым звоном, — я больше не мог слушать его, меня начало мутить, я повернулся и побежал прочь. Погрузился в машину, и стартанув со второй скорости, помчался в студию, где меня давно ждали на репетиции.

Пятнадцать минут в пути, безуспешно подавляя в себе боль и преследующий гул, на Преображенской, прикинув, сколько в канистре осталось бензина, я медленно развернул машину и постепенно набрав скорость, минуя светофоры, шел уже на двухсот по направлению к злополучному перекрестку — инструмент звал меня, и я уже знал, что нужно сделать для него.

У ограды я затормозил, припарковался, повернул ключ зажигания и проверил ручник. На перекрестке по-прежнему никого не было. Но я не видел пианино... Огляделся, убедившись, что ни инструмента, ни его останков нигде нет. Видно, провидение позаботилось о нем лучше.

И, нашарив в кармане слепки, которые я всегда держал при себе, закурил...